

Татьяна Луганцева

Зачем коту КОПЫТА?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

*Ранее книга издавалась под названием
«Семь пятниц на неделе»*

Луганцева, Татьяна Игоревна.

Л83 Зачем коту копыта? : [роман] / Татьяна Луганцева. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-17-100866-6 (Иронический детектив)

Оформление — *Екатерина Петрова*

ISBN 978-5-17-100867-3 (Детектив с огоньком)

Иллюстрация на обложке — *Оксана Мосалова*

Художница Аграфена Пичугина неожиданно получает приглашение на работу от зарубежного театра. За границей она никогда не бывала и согласилась с радостью. Но в Будапеште Груня неожиданно попадает в полицейский участок, а спасает ее из заключения симпатичный парень, приехавший за ней на катафалке, украшенном траурными венками и лентами. Оказывается, умер театральный режиссер и парень примчался за Груней прямо с похорон. И это было только начало. Невеоятные события закручивают вокруг художницы такой водоворот страстей, что только держись!..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100866-6
ISBN 978-5-17-100867-3

© Т.И. Луганцева, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Алиса, весьма привлекательная шатенка средних лет, недовольно выключила телевизор и швырнула пульт на большой мягкий диван.

— Что у нас за телевидение? Что за передачи, особенно днем? Чушь какая-то, хоть вообще не включай. Люди судятся друг с другом, устраивают разборки, совершенно не стараясь договориться о чем-либо, а только втоптывая собеседника в грязь. Да еще сериалы с пластмассовыми актерами, которых находят, кажется, на улице, в очереди возле гастронома.

— И правда, лучше и вовсе ящик не включать, — поддержала ее светловолосая голубоглазая дама, Аграфена Пичугина. — А новости? Ты забыла еще о новостях каждый час по всем каналам. Вот когда мы слышали что-нибудь хорошее? Наоборот! Тут убили, там изнасиловали, здесь упал самолет или сняли с поста «оборотня в погонах»... При этом все понимают, что убивают каждый день, насилюют тоже и что добрая сотня других «оборотней в погонах» осталась сидеть на своих местах.

Матьяна Луизицева

Аграфена Романовна Пичугина особую «радость» по поводу своего имени не испытывала. Своё неудовольствие она, конечно, едва только подросла, высказала близким, но все же смирилась, хотя постоянно слышать в свой адрес то «Груша», то «Груня» ей не нравилось. А подруга Алиса пошла еще дальше — называла ее «Гру» или «Ня», совсем уж сокращенно, иногда почему-то «Нафаня».

Дружили они уже лет тридцать, познакомившись в детском садике, и понимали друг друга не то чтобы с полуслова или полувзгляда, а с полувздоха. Груша была полностью согласна с известным философским замечанием, которое гласит: «Подруга — это та сестра, которую мы выбираем сами». В общем, они были, что называется, не разлей вода, вплоть до совпадения биополей, до взаимной привязанности и любви и до настоящей женской дружбы. А в том, что последняя существует, Аграфена даже не сомневалась, считая, что дело не в половом признаке, а исключительно в порядочности людей, будь то мужчина или женщина. И всегда очень ценила, что рядом с ней идет по жизни человек, на которого можно положиться, как на самое себя. Короче, с подругой Аграфене повезло.

Ровно так же думала и Алиса, в этом у них тоже было полное взаимопонимание.

— Мне еще очень нравятся новости, идущие под лозунгом «Никакой политики!», — продолжила разговор Алиса. — Мол, ребята, у нас сплошной позитив, все к нам, эге-гей! В итоге улыбающийся ведущий сообщает с экрана, что в такой-то школе ученики избили учителя, а доверчивые пенсионеры снова стали жертвой мошенников. Вот так позитивчик! И все это

Загет коту коньта?

подается с очаровательной миной на лице, украшенном не затуманенными умом глазами. И не придется — действительно обходятся без политики. Только толку-то что? Все равно вгоняют в депрессию.

— Уговорила, новости тоже смотреть не будем, — улыбнулась Груня.

— И сериалы снимают непонятно о чем. Ерунда полная, ничего жизненного и такого, что могло бы чему-то научить. Лучше бы про твою жизнь сняли сериал. Это был бы сериалище! Женщины бы рыдали! — высказалась Алиса.

Аграфене трудно было с подружкой не согласиться.

Груню воспитывала мать, женщина очень добрая, а если точнее — безвольная и мягкотелая. Поэтому она всегда что хотела, то и делала. А в подростковом возрасте и подавно показала всю прыть. Где-то в душе Груня ждала, что мама приструнит ее, одернет и вернет на землю, но родительница только разводила руками, показывая свою полную беспомощность. Возможно, Груне не хватало отца. Вот она и ушла из дома, протестуя, в поисках твердой руки и твердого плеча. На ее беду, «твердым плечом» оказался семнадцатилетний хулиган Олег, вечно ходивший с дешевой папироской, зажатой в углу рта и источавшей жуткий запах, да сутками бездарно брэнчавший на расстроенной гитаре.

Родители парня нещадно пили и даже не заметили, что сын привел в свою комнату девочку с улицы. Единственным, что сказала его мать с опухшим, одутловатым лицом, когда Груня вышла утром из комнаты Олега, «где все и случилось», сконцентрировав на юной незнакомке мутный взгляд, было:

Матьяна Луизицева

— О, деваха... Прикольно! Сгоняй-ка за пивком...

Приходившие в дом гости, местные алкаши, напились вместе с хозяевами дешевого пойла, и их частенько выворачивало прямо где придется. Поэтому когда Грушу стало тошнить по утрам, она по детской наивности подумала, что заразилась от них «рвотным вирусом». Через какое-то время непросыхающая свекровь второй раз посмотрела на Грушу — опять с утра, после принятия «живительной влаги», то есть пива, — и спросила:

— Олежек, сынок, а твоя дурочка не понесла? Не хватает нам лишнего рта и головной боли! Эк балбесы вы бестолковые...

— Чего несла? — огрызнулся сын, который тоже уже прикладывался к пиву и вечером, и утром, и днем.

— Не беременная, говорю, деваха-то твоя? Ей сколько лет, идиот? Это ж статья! Вот горе мне, горе! Сразу говорю, никаких передач в тюрягу от меня не дождешься!

Олег, сообразив наконец, о чем идет речь, изрядно струхнул. А когда выяснилось, что мамаша права, ударился в бег.

Грушу выбросили на улицу, и она попала в социальный приют для бездомных несовершеннолетних как подвергшаяся сексуальному насилию и к тому же беременная. Там с ней поговорили, оказали помощь и сообщили матери. Родительница пришла за своей блудной дочерью сразу же, как только узнала о ее местонахождении и положении. Груша вернулась домой и в пятнадцать лет сама стала мамой — других вариантов для нее не было. Олега она больше никогда не видела, да и не хотела видеть.

Загнет коту копыта?

Кошмар вернулся к Груне (мамы ее к тому времени уже не было) пятнадцать лет спустя, когда ее дочь, Олеся, повторила ту же ошибку с одним лишь отличием — она забеременела от мальчика из приличной семьи. Игорь не собирался от нее сбежать, а хотел жениться на Олесе. Влюбленные расписались. Но через год разбились на машине, подаренной родителями жениха на его восемнадцатилетие.

Хрупкий мир Груши в одночасье разлетелся на мелкие осколки. Тогда-то к ней и пришла пожилая, с серым от горя лицом женщина — Серафима Ильинична, мама погибшего Игоря (отца же его разбил инсульт, мужчина не перенес трагедии и стал глубоким инвалидом).

— Ну, здравствуй.

— Здравствуйте, — разлепила белые губы Груня.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать два.

— Господи, совсем молодая, у тебя все еще может быть.

— Не смейте такое говорить! Я не хочу ничего!

— Помолчи и успокойся, — прервала ее Серафима Ильинична. — Да, мы чужие друг другу люди, но нас свела судьба благодаря нашим детям, а теперь соединило горе. Ты родила рано, а я поздно. Кроме Игорька, у меня тоже других детей нет, только мне на двадцать лет больше, чем тебе, у меня муж инвалид и больное сердце. И единственное, что меня еще держит на этом свете, — внучка. Ей всего годик, и ей нужна семья! Ребенок не может ждать, когда ты придешь в себя после пережитого, Анюту могут забрать от нас в детский дом.

Матьяна Луизицева

Слова Серафимы Ильиничны произвели на сознание Груши эффект разорвавшейся бомбы, эффект ледяного дождя на горячее тело. Нет, она помнила, что у нее есть внучка, которая осталась с родителями мужа дочери, но не могла, не хотела ничего и никого видеть, полностью растворившись в своем горе.

А дальше случилось невероятное. Они с Серафимой Ильиничной объединились в семью ради маленькой девочки. Груша переехала жить в трехкомнатную квартиру родителей Игоря и удочерила Анну. Серафима и ее муж Григорий Алексеевич стали для крошки дедушкой и бабушкой, что подходило им по возрасту и по ощущениям.

— Теперь у нашей Ани почти полный семейный комплект, — радовалась мудрая женщина Серафима Ильинична. — Хотя я буду тебя немного ревновать к нашему ангелочку, но зато смогу баловать, как все бабушки. А когда малышка вырастет, мы расскажем ей о ее родителях, своих юных детях, которые так трагично рано ушли из жизни.

В такой вот мирной, дружной и любящей семье они и существовали уже пять лет. Именно эту, не совсем стандартную, вернее, необычную ситуацию имела в виду Алиса, говоря о том, что судьба ее подруги Груши «похлеще, чем в сериалах». Жили они более чем скромно. Григорий Алексеевич так и остался парализованным, говорил плохо. Он требовал ухода по болезни, Анютка требовала ухода в силу возраста, поэтому Серафима Ильинична ушла с работы, не дослужив до пенсии два года. Именно на ней лежала забота о двух нуждающихся в ее помощи людях. А на плечи Груни легла нелегкая доля кормилицы, добыт-

Зачем кошке копыта?

чицы средств для себя и еще троих человек, ставших ей очень близкими.

Вот только прыгнуть выше головы она не могла, поскольку зарабатывала не слишком много. Понятно ведь, оклад художника-декоратора при небольшом Доме культуры отнюдь не миллионный. Иногда ее приглашали для оформления каких-то шоу в ночных клубах или помощником именитого художника. Но помощник всегда получал как помощник, львиную долю гонорара забирал мастер, однако Аграфена всегда была рада любому приработку. Она бралась за все, а вечерами еще и писала картины маслом на всевозможные темы. Для души — пейзажи, по заказу — портреты, на потребу толпе даже сюжеты с эротическим уклоном. В общем, на жизнь хватало. Хватало на дорогие лекарства для дедушки, на оплату коммунальных услуг, на бензин для старенького «Сааба», на ежегодный отдых в Крыму и еще на кое-какие мелочи.

Груша была очень красивая женщина — среднего роста, с прекрасными светлыми волосами, яркими глазами и стройной фигуркой. Толстеть ей было некогда, она все время была в движении, постоянно в заботах, в бегах, порой и присесть некогда бывало. Естественно, и задуматься о себе было недосуг. Одевалась она очень нестандартно, как художницы, сочетая совершенно несочетаемые, казалось бы, вещи и смешивая яркие цвета, носила крупную бижутерию (друзья ей часто дарили такие вещи), могла ярко накраситься и при этом не выглядела вульгарно. Аграфена была очень добрым человеком, все время старалась помочь другим людям, но при этом бывала

Матвьяна Луизицева

резковата и прямолинейна в общении, всегда говорила правду в глаза.

И вот однажды сидели они за кухонным столом с Серафимой Ильиничной в двенадцатом часу ночи и беседовали на тему, о которой Груня не думала много лет.

— Почему так поздно? — спросила Серафима, накладывая ей винегрета и ставя разогревать в микроволновку тарелку с ужином. — Ты прямо уже как тень отца Гамлета домой притаскиваешься...

— Пример в театре заболел, меня попросили подменить. Как я уйду? Я же — единственная художница.

— Театр! — фыркнула Серафима. — Твоего мистера Колобкова-неудачника? Что это за театр? Я понимаю, если бы ты работала в Большом!

— Чего захотела, в Большом... Там свои люди, туда абсолютно не пробиться без связей и блата. Я вот сколько работаю, заняла свою нишу, но без связей на приличное и хорошо оплачиваемое место не устроишься.

— Ты прекрасная художница. Это даже не мое мнение, а авторитетных людей, я слышала, как они говорили. — Серафима налила Груне домашнего компота. — Сама-то я в живописи ничего не понимаю, но и мне нравятся твои картины. Только вот в последнее время...

— Что?

— Они у тебя стали темнее, мрачнее, что ли. По краскам видно. Интересно почему?

— Да? — удивилась Груша. — Я как-то не замечала. Но взгляд со стороны всегда свежее. Я подумаю, в чем причина таких перемен.

Зачем коту коньки?

— А чего тут думать? Я тебе со свежим взглядом на этот вопрос отвечу. Ты же на грани нервного срыва! Посмотри на себя — кожа да кости, одни глаза, смотреть страшно! Скоро падать начнешь, твои громадные украшения притянут тебя к полу. Ты, Груша, просто-таки загнала себя в угол: работа, работа, заказы, заказы...

— А как же? Как будто тебе легко, — вздохнула Аграфена, вяло ковыряя вилкой винегрет в своей тарелке.

— Я — другое дело. И не обо мне речь. Посмотри, ты сидишь уже десять минут за столом, а съела один квадратик свеклы и две горошинки. И это за целый день! Дивно, ничего не скажешь. Кофе по сто чашек и одна сплошная работа! Разве так должна жить женщина в твоем возрасте? Ты мне в дочери годишься, ты же еще совсем молодая! Где твоя личная жизнь? — задала вопрос в лоб Серафима Ильинична.

Аграфена поморщилась и пожала плечами:

— Зачем ты об этом? Я сама себе не задаю такой вопрос, и не хотелось бы его слышать от тебя.

— А я тебе не чужой человек и болею за тебя всей душой! Переживаю за тебя! Я хочу, чтобы у моей внучки была счастливая мать! Кто еще тебя встряхнет, если не я? Ты же получила исключительно отрицательный опыт и эмоции. Ну, ладно, глупой девчонкой, когда не понимала ничего, забеременела, родила. А потом...

— Потом у меня появился ребенок, стало не до личной жизни. Период дискотек у меня прошел под флагом пеленок. Позже пыталась построить карьеру, но не очень продвинулась на этом поприще. Хотя тут, наверное, не моя вина. Честное слово, я старалась.

Матвеева Луиза

— Это и я подтверждаю, — согласилась Серафима Ильинична.

— Худо-бедно, но мы с дочкой как-то существовали. А затем... Затем Анечка у меня, вернее, у нас появилась. И снова пришлось работать, чтобы нас всех содержать. Знаешь, Серафима, как-то не было у меня никогда возможности заняться собой. Может, такова вообще моя судьба?

— Ужас что ты говоришь! Все это очень плохо! Ты никогда не была замужем, не была любима и не любила по-настоящему. Трагедия, которая в нашей семье произошла, чудовищна, но раз уж ты осталась жить, то ты должна жить полноценно!

— В твоих устах это звучит сродни тому, что я должна иметь мужчину.

— А разве нет? Наоборот, в твоём возрасте не иметь мужчину ненормально. Да, у тебя была психологическая травма, но она уже переросла в болезнь, а её надо лечить, — настаивала Серафима.

— Ну, не знаю. Просто я как-то их, мужчин, и не видела. И не вижу. Поэтому вопрос это тупиковый для меня, — вздохнула Груня, заставляя себя хоть что-то положить в желудок, чтобы не обидеть Серафиму.

— Вокруг же люди! — возразила та.

— Вроде да. Даже много людей.

— И среди них много мужчин, — справедливо отметила Серафима Ильинична.

Груня задумалась.

Если честно, актеров она вообще не рассматривала как мужчин. Многие из них были либо какие-то пафосные, либо бабники, а ещё приверженные к вредным привычкам да с тяжелыми характерами,

Зачем коту коньки?

у которых все зависит от настроения. На ее глазах творились какие-то мелкие шашни, перераставшие в склоки, и даже ради великого таланта она не связала бы свою жизнь с актером. Люди из художественной среды тоже весьма своеобразны, Аграфена общалась с ними как с друзьями, коллегами, не более того. К тому же и у актеров, и у художников жены часто менялись, а она не хотела становиться одной из многих. Бывали в ее жизни совсем уж омерзительные моменты, когда пара-тройка мужей подруг тянули к ней потные руки, бормоча: «Чего ломаешься? Жена ничего не узнает!» От таких обычно дышащих перегаром героев-любовников она старалась держаться подальше.

Еще Груша общалась со своим начальником, режиссером частного театра Эдуардом Эриковичем Колобовым — мужчиной слегка за пятьдесят и уже раз восемь (только официально) женатым. Бабник он был просто несусветный, сам это знал, каялся, но и поделать с собой ничего не мог. Естественно, режиссер «подбивал клинья» и к Груне, но та сразу отказала, и они, как ни странно, остались друзьями.

Ее подруга Алиса была женщиной разведенной и периодически не брезговала связями с женатыми мужчинами, в общем, жила так называемой нормальной жизнью. Только ребенка не могла никак родить, почему-то пребывая в полной уверенности, что с ней все в порядке, а вот «мужик измельчал»...

— Июнь скоро, — вздохнула Серафима, сменив наконец тему.

— Машина на ходу, — откликнулась Груня, понимая, к чему та клонит.

Матвеева Луиза

Каждое лето она вывозила Серафиму, ее парализованного мужа и дочку на дачу, когда-то принадлежавшую ее маме. Ребенок проводил там три месяца с июня до сентября, пока садик на летний период закрывался. В нынешнем году Аграфена с Серафимой Ильиничной долго спорили, отдавать Аню в школу с шести лет или с семи, и все же решили не лишать ребенка детства, дать девочке еще год побыть в подготовительной к школе группе.

— Это лето, потом садик, еще лето и школа, — перечислила сейчас Серафима. — Дождались, скоро наша ягодка пойдет в школу. Вот событие будет первое сентября! И пойдут по улице с цветами три женщины: маленькая, средняя и пожилая. Видишь, что за пейзажик? Только не хватает в нем одного — мужика. Анне рано еще, у меня — муж живой, хоть и инвалид, остаешься только ты.

— Ради исправления пейзажа подумаю, — засмеялась Груня, обещая сама не зная чего.

— Ага, отвезешь нас на свежий воздух — и подумай серьезно, — закивала Серафима Ильинична. — Как всегда, будут и воздух, и солнечные ванны, и купание в речке, и черника с малиной, клубнику еще посадили... А тебя будем ждать по выходным, как всегда, с гостинцами. А в отпуск когда к нам приедешь?

— Не знаю, Сима, может, в июле возьму. В середине лета дышать в Москве совсем нечем.

— Сильно-то тут не напрягайся. Я ж тебя знаю, готовить себе вовсе не станешь. Вечно голодная будешь — разговоры-то разговаривать не с кем. Сейчас, вон смотри, пока болтали, ты хоть винегрет съела, впихнула в себя через не хочу.

Зачем кому коньки?

— Да, без тебя мне плохо будет. Но главное — ребенка из Москвы на лето вывезти, — улыбнулась Груня.

— Пожалуй, надо Лариску попросить за тобой присмотреть, — продолжала размышлять Серафима.

— Ты имеешь в виду Алиску? — поправила ее Груня.

— Тьфу ты, и то верно. Что-то я совсем в последнее время... Старость уже. Надо бы Анюте велосипедик, а нам газа завезти да крыльцо подправить, а то, боюсь, ребенок покалечится. Может, там найду мужика какого, чтобы подешевле?

— Я заработаю, и обязательно все починим.

— Местный Федор по три тысячи за ступеньку просит, но гарантирует двадцать лет эксплуатации.

— А сколько у нас ступенек?

— Пять.

— Ого! Ну, ничего, заработаю. Все будет хорошо. Летом в театре тяжелая пора, спектаклей — ноль. Именитые труппы на гастроли выезжают, что-то зарабатывают, а нас никто не приглашает. Летом трудиться — просто в ущерб себе. Придется написать что-нибудь в стиле «ню». Не люблю я это, но ради денег...

— Горе ты мое! — взяла ее руку в свою Серафима.

— А знаешь, Сима, мы очень счастливые люди, что мы вместе.

— Я знаю. Кто бы сомневался...